

Информация для цитирования:

Лушникова Г. И. Роль языковых средств в создании культурно-исторической специфики художественного текста / Г. И. Лушникова, Т. Ю. Осадчая // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 3. — С. 212—228. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-3-212-228.

Lushnikova, G. I., Osadchaia, T. Iu. (2025). Role of Linguistic Devices in Creating Cultural and Historical Specificity in Literary Texts. *Nauchnyi dialog*, 14 (3): 212-228. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-3-212-228. (In Russ.).

Web of Science™

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Роль языковых средств в создании культурно- исторической специфики художественного текста

Лушникова Галина Игоревна ¹

orcid.org/0000-0003-1080-3184

доктор филологических наук,

профессор,

кафедра филологии и

методики преподавания

lushgal@mail.ru

Осадчая Татьяна Юрьевна ²

orcid.org/0000-0001-8566-2529

кандидат педагогических наук, доцент,

кафедра теории и практики перевода

и зарубежной филологии,

корреспондирующий автор

osadchaya_ta@mail.ru

¹ Гуманитарно-педагогическая

академия (филиал)

ФГАОУ ВО «Крымский

федеральный университет

имени В. И. Вернадского» в г. Ялте

(Ялта, Россия)

² Севастопольский

государственный университет

(Севастополь, Россия)

Role of Linguistic Devices in Creating Cultural and Historical Specificity in Literary Texts

Galina I. Lushnikova ¹

orcid.org/0000-0003-1080-3184

Doctor of Philology, Professor,

Department of Philology

and Teaching Methods

lushgal@mail.ru

Tatiana Iu. Osadchaia ²

orcid.org/0000-0001-8566-2529

PhD in Pedagogy, Associate Professor,

Department of Theory and Practice

of Translation and Foreign Philology,

corresponding author

osadchaya_ta@mail.ru

¹ Humanities and Education Science

Academy (branch)

of V.I. Vernadsky Crimean

Federal University in Yalta

(Yalta, Russia)

² Sevastopol State University

(Sevastopol, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена изучению языковых средств, используемых в художественном тексте для создания культурно-исторического колорита. Материалы для анализа извлечены из романа современной британской писательницы Кэролайн Ли «Стеклянная женщина», который ранее не подвергался филологическому изучению, что определяет новизну данной работы. Цель статьи — выявить языковые средства создания национально-культурной специфики Исландии XVII века, представленной в данном произведении, определить их функции и значимость в воплощении авторского замысла. Проанализированы следующие культурно маркированные единицы: безэквивалентная лексика, онимы, лексические единицы библейского и языческого текстов, паремии, пейзажная лексика. Авторы считают, что изучение художественного текста как формы существования и воплощения культуры народа является одним из актуальных направлений современной лингвистики. Использованы лингвокультурологический, лексико-семантический и концептуальный методы анализа художественного текста. Авторы приходят к выводу о том, что лингвокультура выполняет гносеологическую функцию; способствуют трансляции определенной национальной картины мира; создают представления об уникальной идентичности исландцев и их системе ценностей; содействуют налаживанию лингвокультурных связей между коммуникантами (автор — персонажи — читатель) и формированию ценностных универсалий в сознании читателя.

Ключевые слова:

художественный текст; культурно маркированные единицы; трансляция национальной картины мира; Кэролайн Ли; Стеклянная женщина.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article explores the linguistic devices employed in literary texts to construct cultural and historical richness. The materials for analysis are drawn from the novel “The Glass Woman” by a contemporary British author Caroline Lea, which has not previously undergone philological scrutiny, thus underscoring the novelty of this work. The aim of the article is to identify the linguistic means that convey the national and cultural specificity of 17th-century Iceland as presented in this work, as well as to determine their functions and significance in realizing the author’s intent. The analysis focuses on culture specific items, including non-equivalent vocabulary, proper names, lexical items from biblical and pagan texts, proverbs, and landscape vocabulary. The authors argue that studying literary texts as forms of existence and embodiment of a nation’s culture represents one of the current trends in contemporary linguistics. Having employed linguistic, cultural, lexical, semantic, and conceptual methods of text analysis, the authors conclude that linguistic cultural units perform an epistemological function; they facilitate the transmission of a specific national worldview; create representations of the unique identity and value system of Icelanders; promote the establishment of linguistic and cultural connections among communicants (author — characters — reader) and the formation of value universals in the reader’s mind.

Key words:

literary text; culture specific items; transmission of national worldview; Caroline Lea; The Glass Woman.

Роль языковых средств в создании культурно-исторической специфики художественного текста

© Лушникова Г. И., Осадчая Т. Ю., 2025

1. Введение = Introduction

В художественном тексте содержится информация разного рода — художественная, энциклопедическая, языковая. Художественная информация — это все, что касается авторского вымысла, который включает сюжетные линии, образы персонажей, прагматику и модальность текста. Энциклопедическая информация художественного произведения может быть представлена историческими фактами, сведениями о реальных лицах и событиях, которые оказались знаковыми в области политики, культуры, науки. В историческом жанре такого рода информация выступает на первый план, в произведениях других жанров она может служить фоном описываемого, однако и в этом случае имеет существенное значение, поскольку упоминание конкретных дат, места действия, описание событий и процессов может расширить кругозор адресата и послужить импульсом к приобретению дополнительных знаний. Языковая информация предоставляет читателю неоценимый материал для изучения культурных особенностей, специфики мировосприятия, менталитета представителей определенного народа, характерных для периода, когда написан текст, или для периода, который в тексте описан: «Представляя собой определенный способ восприятия реальности, каждый язык по-своему членит мир в соответствии с установившимися языковыми нормами. В нем находят свое отражение историческое развитие этноса, нравы и обычаи народа, культурные традиции, которые преломляются и видоизменяются на каждом новом этапе развития данной лингвокультурной общности» [Попова и др., 2011. с. 19].

Все типы информации художественного текста важны, поскольку при достаточно внимательном к ним отношении автора и, соответственно, читателя, они способствуют созданию определенной культурно-исторической картины мира: «Только рассмотрение художественного текста в единстве общеязыковых, индивидуально-авторских и культурологических семиотических кодов через призму менталитета и языковой картины

мира носителей языка позволяет полнее понять его уникальную эстетику, соотнести поверхностные структуры языка с их глубинной сущностью и увидеть тот культурный фон, который стоит за художественным текстом» [Фирсова и др., 2011, с. 120].

Другими словами, смыслы художественного произведения полнее раскрываются для читателя, если ему понятен социально-исторический контекст: «... artistic form mediates the relationship between an artwork and its historical context. <...> works of art and literature speak most clearly to us if they are allowed to maintain a dialogue with their surrounding world» [Ladegaard et al., 2019, p. 3—4] (... художественная форма опосредует связь между произведением искусства и его историческим контекстом. Произведения искусства и литературы говорят с нами яснее, если они поддерживают диалог с окружающим миром») (здесь и далее перевод теоретических источников наш. — Г. Л., Т. О.). По словам исследователей, «в эстетически организованном словесном тексте литературного произведения заложена та специфика литературы, на базе которой достигается диалектическое единство двух факторов литературы: материала (языка) и замысла (идеи)» [Барышева, 2007, с. 69].

Языковая информация составляет важнейший пласт художественного произведения: «Языковое пространство художественного текста хранит в себе не одни только сюжеты, события, диалоги героев, их взаимоотношения. Художественное произведение — это хранилище идей, мыслей, чувств, страданий, суждений автора; это слепок определенной эпохи и отпечаток индивидуальной, особенной картины мира писателя, представленной через уникальную речевую системность» [Данилевская, 2019, с. 5].

Говоря о функциональных потенциях языковой информации, необходимо отметить, что она, во-первых, является ключевым элементом создания художественной картины мира: «Картина мира в художественном тексте (*художественная картина мира*) создается языковыми средствами, при этом она отражает индивидуально-авторскую картину мира и воплощается в отборе элементов содержания художественного произведения, языковых средств, а также в индивидуальном использовании образных средств (система тропов)» [Карасева, 2012, с. 11].

Во-вторых, именно через языковую информацию обеспечивается погружение текста в контекст культуры, трансляция культурных особенностей народа: «Важным фактором своеобразия художественного текста является его включенность в мегатекст культуры. Любой художественный текст, будучи погруженным в культурное пространство эпохи, несет на себе печать культуры определенного этапа в истории общества, культуры определенного народа с его традициями, устоями, менталитетом, а также культуры неповторимой личности его создателя [Карасева, 2012, с. 7—8].

В-третьих, необходимо упомянуть гносеологическую функцию языковой информации. Декодирование данной информации требует особого внимания, так называемого филологического чтения текста, поскольку она не так очевидна, как художественная и энциклопедическая, и в большинстве случаев воспринимается как форма, служащая для передачи первых двух типов информации. Языковая информация, однако, является не только формой, но и особым кодом, который содержит данные о национально-историческом контексте произведения: «Национальный колорит является неотъемлемой частью художественного произведения. Чем ярче он представлен, тем глубже читатель, и особенно иностранный, представитель другой культуры, сможет прочувствовать самобытность того или иного народа, его национальные, исторические и культурные особенности» [Яковлева, 2021, с. 53]. Именно языковая информация дает представление о системе ценностей какого-либо народа: «Языковые средства художественного текста выступают культурным кодом в процессе межкультурной коммуникации, который является индикатором культурной жизни страны и отражает систему культурных ценностей в конкретной языковой среде через образность слова» [Казютина и др., 2023, с. 237].

В-четвертых, по мнению исследователей, языковая информация выполняет еще одну важную функцию: «Художественный текст транслирует фоновые знания и переживания, которые в процессе восприятия не только интерпретируются читателем, но и формируют ценностные универсалии» [Казютина и др., 2023, с. 236], что, в конечном счете, ведет к лучшему взаимопониманию представителей разных культур.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Настоящая статья посвящена исследованию языковых средств создания национально-культурной специфики в романе британской писательницы Кэролайн Ли «Стеклянная женщина» / Caroline Lea «The Glass Woman» [Lea, 2020].

В данном исследовании мы использовали следующий методологический подход: язык произведения рассматривается как воплощение мышления и культуры народа. Как справедливо отмечают филологи, «в основе создания и восприятия художественного текста лежит взаимосвязь таких сложных и неоднозначных явлений, как *культура — мышление — язык*» [Долинина, 2015, с. 84], а для изучения его художественного пространства целесообразно использовать комплексный подход. В данной работе применяются элементы лексико-семантического, лингвокультурологического и концептуального анализа художественного текста. Ключевым, однако, является именно лингвокультурологический анализ, «поскольку язык, с од-

ной стороны выступает экспонентом опыта и ментальности определенной лингвокультурной общности, с другой — формообразующим компонентом этнической идентичности» [Сапиева и др., 2022, с. 68]. Данная роль языка выразительно представлена в романе «Стеклянная женщина».

В зарубежных исследованиях национально маркированные языковые единицы чаще всего называют *culture specific items* (CSI) и определяют следующим образом: «... the term CSI <...> refers to those words, phrases, concepts, and expressions that are peculiar to the source culture, and therefore lack their counterpart or possess a different semantic and cultural connotation in the target culture. Even if near-equivalents exist for such items, they may rarely represent the exact same message» [Amenador et al., 2022, p. 2] (... термин *культурно маркированные элементы* относится к тем словам, фразам, концептам и выражениям, которые свойственны только передающей культуре и, следовательно, либо не имеют аналога, либо обладают иной семантической и культурной коннотацией в принимающей культуре. Даже если для таких элементов существуют близкие эквиваленты, они редко означают то же самое).

При этом национально маркированные языковые единицы могут быть представлены по-разному: «The culture of a community might be expected to affect almost all aspects of that community's language, from the most basic element of word choice to the upper-most elements like connotative or associative aspects of words or phrases» [Kuleli, 2020, p. 618] (Можно ожидать, что культура сообщества влияет почти на все аспекты языка этого сообщества, от выбора слов до коннотативных или ассоциативных значений слов или фраз).

В отечественных исследованиях единицы языковой информации, которые формируют пространство текста, называют *лингвокультуремами*: «Моделирование культурного пространства художественного текста обусловлено характеристиками лексико-семантических средств, образующих лингвокультуремы — единицы, обладающие лингвистическим и экстралингвистическим (культурным) содержанием» [Горбатовский, 2022, с. 10].

Изучение художественного текста как формы существования и воплощения культуры определенной нации является одним из перспективных направлений современной лингвистики. Роман «Стеклянная женщина» представляет научный интерес с точки зрения исследования национально-культурной специфики представленного в нем художественного пространства, кроме того, он еще не становился предметом изучения филологов, как отечественных, так и зарубежных, что обуславливает актуальность настоящей статьи. Цель работы — выявить языковые средства создания национально-культурной специфики в данном произведении, определить их ключевые функции, продемонстрировать их значимость в создании картины мира определенного исторического периода.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Полилог культур в романе Кэролайн Ли «Стеклянная женщина»

Исследуемый роман написан в 2019 году, переведен на русский язык А. Гайденом в 2021 году [Ли, 2021]. Его относят к жанру исторического романа, написанного в русле готической традиции английской литературы, анализ некоторых сюжетных линий дает основание для проведения параллелей с такими широко известными романами предыдущих столетий, как «Дж. Эйр» Ш. Бронте и «Ребекка» Д. дю Морье. Место действия романа К. Ли — Исландия, время действия — XVII век. Выбор страны и эпохи современной британской писательницей (уроженкой острова Джерси) может показаться, по ее собственным словам, необычным: «seventeenth-century Iceland may seem an unusual choice of setting for a writer from Jersey...» [Lea, 2020, p. 390] / Может показаться необычным, что действие романа писательницы с Джерси происходит в Исландии семнадцатого века [Ли, 2021, с. 443]. Однако уникальная природа и культура Исландии настолько очаровали автора, что ее заинтересованность и восхищение довольно явственно проступают на страницах романа и не могут не увлечь читателя.

В данном контексте можно говорить о полилоге культур в романе: национальная культура Исландии запечатлена в мире реалий, речи персонажей, сюжетно-композиционной системе произведения; британская национальная культура проявляется в манере повествования, концептах, идейно-тематическом содержании текста, отражающем авторскую картину мира; национальная культура читателя взаимодействует с двумя другими на этапе интерпретации произведения. О подобной встрече культур писал М. М. Бахтин, подчеркивая, что в рамках художественного текста они взаимно обогащаются: «Один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом: между ними начинается как бы диалог, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур» [Бахтин, 1986, с. 354].

Повествование погружает нас в атмосферу изображаемой эпохи, что достигается благодаря использованию определенных литературных приемов, таких как построение своеобразного и захватывающего сюжета, создание психологических портретов персонажей, описание суровой и величественной природы, введение в повествование бытовых и культурных реалий, представление исторических фактов.

Существенно, что стиль повествования также выдержан в характерной для той эпохи тональности. Реализации данного приема способствует использование национально-маркированных языковых единиц, которые «... существуют на всех уровнях: фонетическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом. Однако большая часть национально-культурной

информации передается через лексические единицы: безэквивалентную лексику, коннотативную лексику, реалии флоры и фауны, номинации артефактов культуры, бытовые реалии, этнографические, ономастические (топонимы и антропонимы), ассоциативные реалии, сравнения и метафоры, фразеологические единицы, афоризмы и т. д.» [Штырина, 2015, с. 77].

Национально-маркированные языковые единицы лексического уровня можно назвать *культурно маркированной лексикой*, которая представляет собой «... совокупность лексических единиц, называющих предметы или явления определенной культуры, денотаты которых представлены в других языках частично или полностью отсутствуют» [Сапиева и др., 2022, с. 69].

3.2. Культурно маркированная лексика в романе К. Ли «Стеклянная женщина»

Анализ особенностей стиля романа позволяет выделить несколько групп культурно маркированной лексики, встречающейся в романе.

К первой группе относится безэквивалентная лексика, приводимая в романе на исландском языке. Вслед за исследователями, мы рассматриваем безэквивалентность следующим образом: «Межъязыковая лексическая безэквивалентность характеризует межъязыковые отношения с точки зрения существования в исходном языке целого пласта лексем, которые не имеют естественных (а не созданных с помощью различных переводческих приемов) однословных эквивалентов в системе языка перевода» [Алексеева и др., 2020, с. 461]. Поскольку предметы и явления, которые обозначаются безэквивалентной лексикой, неизвестны широкому кругу читателей, автор вполне резонно снабжает книгу глоссарием исландских слов и выражений с переводом на английский язык — Glossary of Icelandic words [Lea, 2020, p. 386] / Словарь исландских слов и выражений [Ли, 2021, с. 7—8]. В глоссарий включены толкования слов, обозначающих типичные для Исландии того времени элементы жилища и быта: *badstofa* — *a living and sleeping area, often with beds along the walls*; *hlodir* — *an open hearth for cooking, constructed of large stones over a fire* / *бадстова* — *общая комната, которая также служит спальней, обычно с кроватями вдоль стен*; наименования приемов пищи: *dagverdur* — *daytime meal*; *nattverdur* — *evening meal* / *дагвердюр* — *обед*; *натвердюр* — *ужин*; названия продуктов питания и напитков: *lifrapylsa* — *a sausage made from chopped liver*; *skyr* — *a protein-rich fermented yoghurt* / *ливрапильса* — *колбаса из мелко нарезанной печени*; *скир* — *ферментированный йогурт с высоким содержанием белка*; традиционные названия должностей: *bodi* — *the chieftain of a settlement*; *prestur* — *a village priest or minister* / *боунди* — *глава селения*; *престюр* — *сельский пастор*; обозначения рунических символов: *ginfaxi* — *a runic sign for victory in battle*; *vegvisir* — *a runic sign for protec-*

*tion and finding one's way / гинвахси — рунический символ, дарующий победу в бою; везгизир — рунический символ защиты, помогающий отыскать дорогу и др. В глоссарии содержатся традиционные ирландские приветствия и обращения: Bless — a greeting; Komdu sælar og blessaðar — formal greeting to a group of women; elskan — a term of endearment, like 'darling' [Ibid., p. 386] / Блесс — приветствие; комдю сайдлар о блессадар — формальное приветствие, обращенное к нескольким женщинам; эльскан — ласковое обращение, «дорогой» или «дорогая» [Там же, с. 7—8]. Эти слова и словосочетания довольно часто встречаются в тексте романа, гармонично вписываются в канву повествования и воспринимаются вполне естественно, многие из них легко запоминаются. В тексте романа также есть транслитерированные исландские слова, такие как *pabbi* / *пабби* — отец, *alting* / *альтинг* — собрание и др.*

Вторую группу культурно маркированной лексики составляют лексические единицы, способствующие созданию уникального образа исландской деревни, а именно — исландские онимы. К ним относятся следующие подгруппы: топонимы — обозначения природных объектов: *Hekla* / *Гекла*, *Helgafell* / *Хельгафедль*; ойконимы — обозначения населенных пунктов: *Stykkishólmur* / *Стиккисхоульмур*, *Skálholt* / *Скаульхольм*, *Thingvellir* / *Тингведлир*; антропонимы — имена людей: *Sigríður* / *Сигридюр*, *Rósa* / *Роуса*, *Jón* / *Йоун*, *Magnús* / *Магнус*, *Páll* / *Паудль*; мифонимы — имена вымышленных существ в мифах, сказках, сагах: *draugr* — *an undead creature or an animated corpse*, *huldufólk* — *the 'hidden people' or elves* / *драугур* — нечисть, восставший мертвец; *хюльдуювоульк* — «скрытый народец» или эльфы. Некоторые антропонимы являются значимыми, их перевод с исландского приводится в тексте романа и коррелирует с характеристиками персонажей, которые их носят. Например, имя сильного и жестокого персонажа по имени Пьетюр соответствует его твердому как камень характеру: '*Pétur*' means stone / «Пьетюр» означает «камень». Имя главной героини *Rósa* (Роуса) означает «роза», оно подходит ее внешности и характеру: красивая и нежная, но умеющая «показать шипы», когда того требует ситуация. Мифонимы и их толкование включены в глоссарий, о котором шла речь выше. Сохранение исландской формы написания онимов, их необычное произношение способствуют трансляции национальной специфики и достоверности описываемых событий.

К третьей группе относятся лексические единицы, которые отражают аксиологические аспекты бытия данного народа, в частности такой значимый процесс, характерный для Исландии описываемого исторического периода, как христианизация, когда старые языческие верования вытесняются новой религиозной доктриной. В романе встречаются слова и вы-

ражения, в которых так или иначе отражается этот сложный переходный этап, когда в сознании людей смешиваются, переплетаются и сталкиваются концепты как нового для них христианства, так и существовавшего веками язычества, соответственно, в произведении соприсутствуют два текста — библейский и языческий.

К библейскому тексту относятся библейские аллюзии, цитаты, поучения со ссылкой на Библию, в которых часто встречаются лексемы, означающие понятия «грех», «слава», «Бог», «вера», «почтение». Приведем несколько примеров.

All have sinned and fall short of the glory of God [Ibid., p. 18] / *Все согрешили и лишены славы Божией* [Там же, с. 29].

This solitude should strengthen your faith. This time with God is a gift [Ibid., p. 117] / *Уединенная жизнь должна укрепить тебя в вере. Время, проведенное с Богом, — это дар* [Там же, с. 142].

The Bible says it's not good for man to be alone [Ibid., p. 117] / *Согласно Библии, нехорошо быть человеку одному* [Там же, с. 142].

Языческий текст представлен лексикой, номинирующей рунические символы и магические знаки: *ginfaxi — a runic sign for victory in battle; vegvisir — a runic sign for protection and finding one's way* / *гинвахси — рунический символ, дарующий победу в бою; вевгвизир — рунический символ защиты, помогающий отыскать дорогу*. Часто упоминается сам термин *pagan* (язычество) и наименования связанных с ним обрядов: *witchcraft, sortilege, seidr — witchcraft punishable by death* / *колдовство, гадание, сейдр — колдовство, которое карается смертной казнью*.

В романе также присутствуют ссылки на произведения исландского фольклора, цитирование исландских мифов, поверий, саг. Прежде всего, упоминается большое количество исландских саг: «The Saga of Grettir the Strong», «Laxdaela Saga», «Bandamanna Saga», «The Saga of Eirík the Red», «Eyrbyggja Saga» / «Сага о Греттире», «Сага о людях из Лососьей долины», «Сага о Союзниках», «Сага об Эйрике Рыжем», «Сага о людях с Песчаного берега» и другие. Уже в Прологе автор сообщает, что саги сопровождают исландцев на протяжении всей жизни, и читатель понимает, что их значение невозможно переоценить: *... the blood-spattered scenes at the end of the Sagas: those age-old, heat-filled stories, which are told to children from birth and fill every Icelander with an understanding of violence* [Ibid., p. 1—2] / *... кровавые сцены в сагах — старых как мир и полных страстей легендах, из которых каждый исландец с самого рождения узнает, что такое жестокость* [Там же, с. 10].

В романе встречается несколько примеров, когда в одной фразе, одной реплике, произносимой персонажами, присутствуют ссылки на оба текста,

включаются лексические единицы обоих текстов. Данный прием выразительно показывает, насколько тесно в сознании людей соединены новые и старые верования: *She incants the warding verses in her head, then mutters the Lord's Prayer under her breath* [Ibid., p. 51] / Она мысленно повторяет заклинание, оберегающее ото зла, и шепотом читает «Отче наш» [Там же, с. 68]. Даже служители церкви в своих проповедях апеллируют и к сагам, и к Библии: *previous bishops had openly read from the Sagas and the Bible alike* [Ibid., p. 11] / прежние епископы в открытую читали саги наравне с Библией [Там же, с. 22]. В трудные минуты люди на всякий случай прибегают и к тем, и к другим ритуалам: *She mutters a blessing for him and squeezes the runestone in her pocket* [Ibid., p. 44] / Она шепчет молитву за упокой его души и сжимает лежащий в кармане камень с гальдраставом [Там же, с. 59].

При таком, казалось бы, равном представительстве обоих текстов, в романе наблюдается преобладание языческого, о чем свидетельствует и большее количество цитирований из саг и мифов, и название романа — «The Glass Woman» / «Стеклянная женщина», являющееся наименованием языческого талисмана — фигурки женщины, сделанной из стекла. Это словосочетание одновременно служит метафорической характеристикой главной героини, красивой и хрупкой женщины, сердце которой так легко разбить. Автор показывает, насколько сильны могут быть освященные традицией верования людей даже в ситуации, когда новое христианское учение активно проповедуется и даже насаждается: *You must quote nothing but Bible verses and hymns* [Ibid., p. 9] / Ты должна читать только строчки из Библии да псалмы [Там же, с. 19]. Это вполне объяснимо, так как убеждения, господствующие на протяжении веков, искореняются с большим трудом или не искореняются вообще. Данную мысль подтверждают слова автора в Послесловии к роману: *I was fascinated to discover that, even in modern Iceland, it isn't uncommon to believe in the huldufólk* [Ibid., p. 390] / Я с изумлением узнала, что некоторые местные жители до сих пор верят в huldufólk [Там же, с. 443]. Преобладание в тексте языческих концептов, вербализированных представлений о таком мироустройстве, где реальность на равных правах сосуществует с миром рунической магии, довольно ярко характеризует мировосприятие представителей народа Исландии описываемого периода.

Четвертую группу культурно маркированной лексики составляют исландские пословицы и поговорки, которые служат эпиграфами к каждой части романа (за исключением части 6, эпиграфом к которой является строка из Исландского судебного журнала), своеобразно обозначая тему или ключевую идею каждой части. Приведем наиболее яркие, на наш

взгляд, примеры: *When the storm abates, the waves roar* [Ibid., p. 191] / *Когда буря стихает, волны еще бушуют* [Там же, с. 223]; *Love flares the hottest in secret* [Ibid., p. 247] / *Жарче всего любовь пылает втайне* [Там же, с. 285]. Примечательно, что источником происхождения некоторых пословиц являются саги, о чем свидетельствуют соответствующие указания автора: *The nights of blood are the nights of most impatience. Icelandic proverb, from The Saga of Viga the Glum* [Ibid., p. 137] / *Кровавые ночи — ночи скорой расправы. Исландская пословица из Саги о Глуме Убийце* [Там же, с. 163]. Пословицы и поговорки звучат также в речи персонажей, с их помощью они поучают своих собеседников или подтверждают свои доводы, например: *A fall bodes a good journey* [Ibid., p. 43] / *Унавшего ждет добрый путь* [Там же, с. 58]; *Those appear wisest who stay silent* [Ibid., p. 77] / *Мудр тот, кто держит рот на замке* [Там же, с. 98]. Их употребление значительно дополняет культурно-исторический колорит романа, расширяет представление читателя о национальном менталитете и мироощущении исландцев.

Пятая, наиболее многочисленная и яркая группа культурно маркированных лексических средств представлена единицами, обозначающими элементы и явления уникальной и неповторимой природы Исландии. Перед мысленным взором читателей возникают картины покрытых снегом гор, простирающейся на огромные расстояния земли, играющего разными красками моря, сверкающих белизной ледников. Для создания этих картин автор использует широкий арсенал стилистических средств, среди которых преобладают антропоморфные метафоры, образные сравнения, олицетворения, эпитеты. Приведем наиболее характерные из них.

Величественные горы поражают своей неприступностью и суровостью, часто они описываются с помощью выразительных метафор и сравнений. Горы то внушают жителям страх: *Hekla (название горы) was known to be the open door into Hell* [Ibid., p. 15] / *Геклу издавна называли вратами в ад* [Там же, с. 26], — то воспринимаются как защита от врагов и непрощенных гостей: *mountains like a cupped hand, they protect the village or shield it from prying eyes* [Ibid., p. 61] / *горы, будто лежат у них в горсти, и горы эти не то защищают селение, не то укрывают его от любопытных глаз* [Там же, с. 79].

Земля для жителей Исландии — живой организм. Она всегда в движении: *the land in Iceland is never still* [Ibid., p. 2—3] / *земля в Исландии всегда неспокойна* [Там же, с. 10]. Она способна страдать: *Fire and melted rock bubble up, like blood. When the ground sleeps again, these scars remain* [Ibid., p. 44] / *Как кровь кипит расплавленная порода и бушует огонь. Потом земля засыпает, но шрамы остаются* [Там же, с. 60]. Иногда она непривлекательна: *The land is black-toothed and raw* [Ibid., p. 51] / *Голая земля*

щерится черными зубами [Там же, с. 68]; иногда вызывает восхищение: *as if the land were a boiling sea of green* [Ibid., p. 59] / *словно земля потонула в кипящем зеленом море* [Там же, с. 78].

Море в Исландии холодное, большую часть времени покрытое льдами, таящее опасность, грозящее проглотить даже умелого мореплавателя: *the belly of the ice-crusted sea* [Ibid., p. 1] / *чрево скованного льдом моря* [Там же, с. 9]; *the sea swallows him* [Ibid., p. 2] / *море проглотило его* [Там же, с. 10]; *Beneath him, the black water gulps, endless and hungry* [Ibid., p. 2] / *Позади чавкает бездонная алчная глотка черной воды* [Там же, с. 10].

Почти во всех картинах пейзажа присутствуют лед, снег и ветер: *The ice grinds its teeth* [Ibid., p. 3] / *Лед скрежещет зубами* [Там же, с. 12]; *The ice groans. Underneath, the dark current seeps, like a secret* [Ibid., p. 2] / *Лед стонет. Внизу струятся потаенные воды* [Там же, с. 11]; *The ice moaned* [Ibid., p. 299] / *Лед застонал* [Там же, с. 342]; *The snow groans beneath their feet* [Ibid., p. 264] / *Снег стонет у них под ногами* [Там же, с. 304]; *The lungs of the wind exhale* [Ibid., p. 343] / *Ветер шумно переводит дыхание* [Там же, с. 392].

Антропоморфный характер этих и других стилистических средств, образованных с помощью наименований природных объектов и явлений, отражает специфику восприятия природы язычниками, которые наделяют ее свойствами человека. Например, погода и природа могут по своему желанию скрывать грехи, прошлое, тайны людей: *Weather masks a multitude of sins* [Ibid., p. 70] / *Природа укрывает множество грехов* [Там же, с. 10].

Таково и авторское восприятие природы Исландии, которая олицетворяется и становится еще одним запоминающимся персонажем ее романа, что находит подтверждение в словах автора, приводимых в Послесловии: *... I discovered that the landscape itself was becoming a character* [Ibid., p. 390] / *... я заметила, что пейзаж превращается в отдельного персонажа книги* [Там же, с. 443].

Значимость пейзажной лексики проявляется еще и в том, что она используется для создания образов персонажей, для описания их внешности, характера, передачи чувств и эмоций. Внешность и характер персонажей сопоставляются с различными объектами природы: *as if he is formed from the same shifting, volcanic rock as the land* [Ibid., p. 3] / *он словно вытесан из той же подвижной вулканической породы, что и сама земля* [Там же, с. 11]; *His face is like a desolate rock* [Ibid., p. 114] / *Лицо его сурово, точно пустынный утес* [Там же, с. 139]; *... a smirk creeps over Egill's face, like a crack in an ice sheet* [Ibid., p. 118] / *ухмылка на лице Эйиля похожа на трещину во льду* [Там же, с. 143]; *Anna's eyes are dark caverns* [Ibid., p. 282] / *Глаза Анны — две темные пещеры* [Там же, с. 325].

Чувства и эмоции персонажей сравниваются с водной стихией, холодом льда и другими природными явлениями: *I am suddenly awake. After a lifetime of floating frozen under the sea ice, I feel warm and alive, dragging myself forward, and being dragged, through the darkness* [Ibid., p. 361] / *Я будто внезапно очнулся. Будто всю жизнь мое застывшее тело качало на волнах подо льдом, а теперь я оттаял, ожил и пытаюсь выбраться на поверхность, и меня вытаскивают из темноты на свет* [Там же, с. 411]; *...the pressure that stretches between them, like brittle ice that will shatter with one false move* [Ibid., p. 260] / *...эта неловкость между ними, похожая на хрупкий лед, который проломится от любого неверного шага* [Там же, с. 300].

4. Заключение = Conclusions

Выбор именно этих групп культурно маркированных лексических единиц обусловлен тем, что они в значительной степени служат трансляции национально-культурной специфики, несут информацию о природе и климате, быте и устоях исландского общества XVII века. Автор мастерски использует потенциал данных единиц для достижения этой задачи.

Роман К. Ли помимо увлекательного сюжета, оригинального рассмотрения вечных тем семьи и любви, своеобразных образов персонажей дает читателям яркое представление о национально-культурной специфике Исландии описываемого периода, служит средством расширения читательского кругозора, знакомит нас с малоизвестным уголком мира. Наряду с особыми повествовательными тактиками созданию культурно-исторической специфики способствует включение нескольких групп национально-маркированных языковых единиц лексического уровня, к которым относятся следующие: 1) безэквивалентная лексика, приводимая в романе на исландском языке; 2) исландские онимы с сохранением формы их написания; 3) лексемы, выражающие мировоззренческие концепты, характерные для мировосприятия исландцев в XVII веке; 4) исландские пословицы и поговорки, отражающие особенности менталитета и мироощущения представителей данного народа; 5) лексические единицы, обозначающие элементы и явления уникальной природы Исландии.

Важно отметить, что, помимо передачи национальной специфики и колорита (гносеологической функции), данный пласт лексики выполняет следующие функции: 1) трансляция определенной национальной картины мира; 2) создание представления об уникальной идентичности исландцев и их системе ценностей; 3) налаживание лингвокультурных связей между коммуникантами (автор — персонажи — читатель) и на их основе формирование ценностных универсалий в сознании читателя.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Ли К.* Стеклопанная женщина / К. Ли ; Перевод А. Гайденоко. — Москва : Фантом Пресс, 2021. — 448 с. — ISBN 978-5-86471-881-0.

2. *Lea C.* The glass woman / C. Lea. — New York : Perennial, 2020. — 400 p. — ISBN 0062935119.

Литература

1. *Алексеева М. Л.* Непереводаемость текста и безэквивалентность слов / М. Л. Алексеева, А. В. Павлова // Восточноевропейское обозрение. — 2020. — № 11 (2). — С. 455—469. — DOI: 10.31648/PW.6523.

2. *Барышева Л. С.* О соотношении понятий стилистики языка, стилистики речи, стилистики художественной литературы в трудах академика В. В. Виноградова / Л. С. Барышева // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. — 2007. — № 2. — С. 66—70.

3. *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. — Москва : Искусство, 1986. — 445 с. — ISBN 9785458232029.

4. *Горбатовский А. С.* Лексико-семантические средства моделирования культурного пространства в художественном тексте (на материале романа Д. Кельмана «Tyll» : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / А. С. Горбатовский. — Краснодар, 2022. — 197 с.

5. *Данилевская Н. В.* Картина мира писателя в языковом пространстве текста (на примере романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита») / Н. В. Данилевская // Вестник Бурятского государственного университета. Язык, литература, культура. — 2019. — № 3. — С. 4—13.

6. *Долинина И. В.* Художественный текст как объект лингвокультурологического анализа / И. В. Долинина // Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2015. — № 5 (19). — С. 83—92.

7. *Казютина Е. С.* Лингвокультурные маркеры художественных текстов / Е. С. Казютина, Е. Г. Озерова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Теория языка. Семантика. — 2023. — Т. 14. — № 1. — С. 231—244. — DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-1-231-244.

8. *Карасева Ю. А.* Художественный текст как источник национально-культурной информации и выразитель национальной ментальности : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.05 / Ю. А. Карасева. — Москва, 2012. — 22 с.

9. *Попова Т. Г.* Язык как главный фактор этнической интеграции / Т. Г. Попова, О. В. Тимофеева, Ю. С. Бокова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия : Лингвистика. — 2011. — № 1 (218). — С. 17—19.

10. *Сапиева С. К.* Культурно маркированная лексика и ее роль в литературно-художественном дискурсе / С. К. Сапиева, Н. Е. Малова, А. Н. Хавдок // Современный ученый. — 2022. — № 1. — С. 68—73.

11. *Фирсова Н. М.* Сюжет как выразитель национально-культурной специфики художественного текста / Н. М. Фирсова, Ю. А. Карасева // Вестник РУДН. Серия Лингвистика. — 2011. — № 4. — С. 114—120.
12. *Штырина Е. В.* Изучение национально-культурной специфики художественного текста в преподавании русского языка иностранцам / Е. В. Штырина // Русистика. — 2015. — № 2. — С. 75—80.
13. *Яковлева Э. Б.* О сущности понятия «культурно-маркированная лексика» и способах ее передачи в русском языке / Э. Б. Яковлева // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6. Языкознание. Реферативный журнал. — 2021. — № 2. — С. 53—63. — DOI: 10.31249/ling/2021.02.03.
14. *Amenador K. B.* The Translation of Culture-Specific Items (CSIs) in Chinese-English Food Menu Corpus : A Study of Strategies and Factors / K. B. Amenador, Z. Wang // Sage Open. — 2022. — № 12 (2). — Pp. 1—17. — DOI: 10.1177/21582440221096.
15. *Kuleli M.* Culture specific items in literary texts and their translation based on “foreignization” and “domestication” strategies / M. Kuleli // RumeliDE Dil ve Edebiyat Araştırmaları Dergisi. — 2020. — № 7. — Pp. 617—653. — DOI: 10.29000/rumelide.811038.
16. *Ladegaard J.* Introduction : the question of context / J. Ladegaard, J. G. Nielsen // Context in Literary and Cultural Studies. — London : UCL Press, 2019. — Pp. 1—13. — DOI: 10.14324/111.9781787356245.

*Статья поступила в редакцию 15.01.2025,
одобрена после рецензирования 15.03.2025,
подготовлена к публикации 22.04.2025.*

Material resources

- Lea, C. (2020). *The glass woman*. New York: Perennial. 400 p. ISBN 0062935119.
Lee, K. (2021). *Glass Woman*. Moscow: Phantom Press. 448 p. ISBN 978-5-86471-881-0. (In Russ.).

References

- Alekseeva, M. L., Pavlova, A. V. (2020). Untranslatability of text and lack of equivalence of words. *The Eastern European Review*, 11 (2): 455—469. DOI: 10.31648/PW.6523. (In Russ.).
- Amenador, K. B., Wang, Z. (2022). The Translation of Culture-Specific Items (CSIs) in Chinese-English Food Menu Corpus: A Study of Strategies and Factors. *Sage Open*, 12 (2): 1—17. DOI: 10.1177/21582440221096.
- Bakhtin, M. M. (1986). *Aesthetics of verbal creativity*. Moscow: Iskusstvo Publ. 445 p. ISBN 9785458232029. (In Russ.).
- Barysheva, L. S. (2007). On the correlation of the concepts of stylistics of language, stylistics of speech, stylistics of fiction in the works of academician V. V. Vinogradov. *Bulletin of the N. A. Nekrasov Moscow State University*, 2: 66—70. (In Russ.).
- Danilevskaya, N. V. (2019). The picture of the writer’s world in the linguistic space of the text (on the example of M. Bulgakov’s novel “The Master and Margarita”). *Bulletin of the Buryat State University. Language, literature, culture*, 3: 4—13. (In Russ.).
- Dolinina, I. V. (2015). Artistic text as an object of linguistic and cultural analysis. *Linguistics and intercultural communication*, 5 (19): 83—92. (In Russ.).

- Firsova, N. M., Karaseva, Yu. A. (2011). Plot as an expression of the national and cultural specificity of a literary text. *Bulletin of the RUDN University. Linguistics series*, 4: 114—120. (In Russ.).
- Gorbatovsky, A. S. (2022). *Lexico-semantic means of modeling cultural space in a literary text (based on the novel by D. Kelman "Tyll"*. PhD Diss. Krasnodar. 197 p. (In Russ.).
- Karaseva, Yu. A. (2012). *Artistic text as a source of national cultural information and an expression of national mentality*. Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 22 p. (In Russ.).
- Kazyutina, E. S. (2023). Linguistic and cultural markers of literary texts. *Bulletin of the People's Friendship University of Russia. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics*, 14 (1): 231—244. DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-1-231-244. (In Russ.).
- Kuleli, M. (2020). Culture specific items in literary texts and their translation based on "foreignization" and "domestication" strategies. *RumeliDE Dil ve Edebiyat Araştırmaları Dergisi*, 7: 617—653. DOI: 10.29000/rumelide.811038.
- Ladegaard, J., Nielsen, J. G. (2019). Introduction: the question of context. In: *Context in Literary and Cultural Studies*. London: UCL Press. 1—13. DOI: 10.14324/111.9781787356245.
- Popova, T. G., Timofeeva, O. V., Bokov, Yu. S. (2011). Language as the main factor of ethnic integration. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Linguistics*, 1 (218): 17—19. (In Russ.).
- Sapieva, S. K. (2022). Culturally marked vocabulary and its role in literary and artistic discourse. *Modern scientist*, 1: 68—73. (In Russ.).
- Shtyrina, E. V. (2015). The study of the national and cultural specifics of the literary text in teaching the Russian language to foreigners. *Russian Studies*, 2: 75—80. (In Russ.).
- Yakovleva, E. B. (2021). On the essence of the concept of "culturally marked vocabulary" and the ways of its transmission in the Russian language. *Social Sciences and Humanities. Russian and foreign literature. Series 6. Linguistics. Abstract journal*, 2: 53—63. DOI: 10.31249/ling/2021.02.03. (In Russ.).

*The article was submitted 15.01.2025;
approved after reviewing 15.03.2025;
accepted for publication 22.04.2025.*